

Сессия ОИФ и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых работ 1948 г.

1 и 2 марта сего года в Москве проходила сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященная итогам полевых археологических исследований ИИМК за 1948 г.

Сессию открыл академик Б. Д. Греков. Он отметил большие успехи археологических исследований на территории нашей родины за последние годы, выдающиеся результаты, которых достигли многие археологические экспедиции в 1948 г., и большое значение, которое имеют для исторической науки новые материалы и выводы, добытые археологическими раскопками.

Доклады о результатах археологических экспедиций 1948 г. сделали начальники экспедиций: А. Ю. Якубовский — «Пянджикент», С. В. Киселев — «Раскопки в Монголии», С. П. Толстов — «Хорезмская экспедиция», В. Д. Блаватский — «Раскопки Пантикапея», С. И. Руденко — «Пазырык», М. К. Каргер — «Зарубский монастырь и городище», А. В. Арциховский — «Раскопки в Новгороде», В. Ф. Гайдукевич — «Древний Илурат».

В докладе «Хорезмская экспедиция» С. П. Толстов рассказал о раскопках дворца в Топрак-Кала (Шабазского района Кара-Калпакской АССР). В 1948 г. экспедиция продолжала расчистку дворцовых помещений. Был открыт зал, стены которого были украшены скульптурными изображениями в виде встречающихся спиралей и полихромных человеческих фигур с темными лицами негроидного типа. На полу одного из нижних помещений дворца была обнаружена масса документов, написанных на дереве, коже и бумаге с религиозными, хозяйственными и другими текстами. Вероятно, это был дворцовый архив.

Доклад «Древний Илурат» сделал В. Ф. Гайдукевич. Один из отрядов его экспедиции производил раскопки боспорского города близ Чурубашского озера, в 17 км юго-западнее Керчи. Это древнее поселение было обнесено мощными оборонительными стенами и представляло собою крепость, входившую в общую систему обороны подступов к Пантикапею со стороны степи. Раскопки позволили выяснить устройство оборонительных сооружений.

Вне городища, за оборонительной стеной, находились огромные зольники в виде холмообразных насыпей, что также сближает данное городище со скифскими поселениями.

Само поселение и его культурный слой относятся к I—III вв. н. э. и являются ярким памятником расцвета Боспора во II и в первой половине III в. н. э., когда в культуре Боспора с особенной рельефностью выступили на передний план местные элементы. Повидному, городище можно отождествить с упомянутым Птолемеем городом Илуратом.

В. Д. Блаватский посвятил свой доклад работе Керченской археологической экспедиции, организованной ИИМК и ГМИИ им. Пушкина. В 1948 г. раскопки производились в четырех пунктах на горе Митридат и значительно дополнили представления об истории Пантикапея, изменении его границ в различные исторические эпохи и характере жизни отдельных частей города.

Раскоп на северном склоне г. Митридат продолжал работы 1945—1947 гг. и обнаружил в этом районе 9 культурных напластований, причем впервые здесь были открыты архитектурные остатки IV в. до н. э. Несколько выше был обследован участок окраины акрополя Пантикапея. Обломки архаической керамики, найденные в расселинах скалы к северу от 1-го кресла Митридата, свидетельствуют о наличии культурной жизни в этом районе еще в VI в. до н. э.

В ближайших окрестностях Керчи был раскопан курган, в котором был обнаружен каменный склеп (I в. н. э.), перекрытый полуциркульным сводом. В склепе стоял

каменный саркофаг с округлой крышкой. Среди находок выделяются деревянная головка пантеры с инкрустированными глазами, раздавленная хрустальная ваза и золотая индикация.

С докладом о работах горно-алтайской экспедиции выступил профессор С. И. Руденко. Экспедиция в 1948 г. продолжала раскопки второго Пазырыкского кургана и начала раскапывать третий и четвертый курганы. Все они относятся к одному и тому же типу погребений и датируются V—IV вв. до н. э.

Общий характер культуры населения, оставившего Пазырыкские курганы, близок к культуре скифов, но выделяются местные особенности населения, а также связь с культурами Передней Азии и, в частности, с ахеменидской Персией.

* * *

3, 4 и 5 марта в Москве состоялся пленум НИМК им. Н. Я. Марра АН СССР, на котором были заслушаны доклады начальников археологических экспедиций института.

Кроме пленарных заседаний, где было заслушано 13 докладов, проходили заседания шести секций: античной, скифо-сарматской, славяно-русской, первобытной археологии и археологии Урала и Сибири, где было прочитано еще более 25 докладов.

Б. Б. П и о т р о в с к и й в докладе «Связь Древнего Востока с Закавказьем по данным раскопок 1948 г.» рассказал о раскопках в Кировакане. Кроме того, продолжались раскопки дворца урартского наместника на холме Бармир Блур, где расчищено 10 помещений.

А. Н. Б е р н ш т а м прочел доклад «Археологические исследования на Памире», в котором он сообщает, что раскопки могильников в 1944—1948 гг. позволили проследить движение сакских племен и воздействие культуры местного населения на культуру, принесенную кочевниками, и доказали правильность историко-этнографических данных Птолемея о местоположении сакских племен, а также позволили установить хронологические этапы сакской культуры на Восточном Памире.

Доклад П. Н. Ш у л ь ц а был посвящен работам тавро-скифской экспедиции в 1948 г. Экспедиция в 1948 г. продолжала раскопки Неаполя Скифского. В целях выяснения вопроса о связи культуры тавров и скифов Крыма с доскифским его населением были произведены раскопки поселения киммерийской эпохи у подножья Неаполя Скифского. Для уточнения вопроса о выходе скифов на берега Черного моря было произведено обследование приорских скифских городищ, селищ и зольников на западном побережье Крыма, от Альмы до Перекопа. При этом в устье Альмы был открыт крупный скифский Приморский город. Раскопки Черноморского городища подтвердили свидетельство Арриана о том, что Калос-Лямен, возникший как греческий город, связанный с Херсонесом в III—II вв. до н. э., превращается затем в скифский порт. Работами тавро-скифской экспедиции доказана преемственная связь культуры горных тавров эпохи каменных ящиков (VIII—VII вв.) с предшествующей вызыл-кобинской культурой.

Т. Н. К н и п о в и ч в докладе «Основные итоги работ Ольвийской экспедиции 1948 г.» дала характеристику археологическим раскопкам Ольвии, продолжившим работу предшествующих лет. На городище Ольвии был продолжен раскоп на участке «Е», где было открыто еще одно помещение, входившее в подвальный этаж ранее открытого комплекса, и начаты раскопки новых помещений. Раскопки подтвердили сделанные ранее наблюдения о культовом характере открываемого комплекса и дали ряд новых интересных находок, в том числе совершенно уникальных. На участке «А» продолжалось исследование здания, расположенного к северу от улицы. Было открыто новое помещение, вымостка двора и водосток. Обнаружен слой конца VI—V вв. до н. э., в нем открыта часть помещения с сырцовыми стенами на каменном фундаменте и обнаружена глубокая яма, в верхней части заполненная отбросами металлургического производства. В западной части городища под спуском в «Заячью балку» была открыта монументальная стена III—II вв. до н. э., являвшаяся, пови-

димому, подпорной стеной. Раскопки производились также на участке «И», где было начато исследование большого здания, за стеной которого было обнаружено погребение конца VI в. до н. э., содержащее прекрасный чернофигурный лекиф. Кроме того, в «Нижнем Городе» была произведена расчистка большой керамической печи первых веков н. э. очень своеобразного устройства, служившей, повидимому, для обжига черепиц. В одном из поселений, в 3 км к югу от Ольвии, было открыто большое количество строительных сооружений: фундаментов стен, вымосток и выложенного камнем водостока, свидетельствующего о благоустройстве данного поселения.

М. М. К о б ы л и н а прочла доклад «Раскопки Фанагории в 1948 г.». К востоку от городища был открыт некрополь, главным образом эллинистического времени, давший новый для Фанагории тип погребений и большое количество керамики местного производства. Инвентарь погребений свидетельствует о смешанном населении города в эллинистический и римский периоды.

Раскоп на верхней террасе города на холме «Г» вскрыл мощный городской слой (в 7 м толщиной) от V в. до н. э. по XIII в. н. э. В нижнем слое на материке был открыт комплекс из 18 хисских амфор первой половины V в. до н. э., представляющий, вероятно, часть склада и свидетельствующий о торговых связях с Хиосом в VI—V вв. до н. э. Город VI в. до н. э. на верхнее плато не распространялся.

С. Н. Б и б и к о в в докладе «Жилища на раннеземледельческом поселении Лука-Врублевская» охарактеризовал конструкцию, внутреннее устройство и назначение жилых комплексов, вскрытых на поселении в Лука-Врублевской.

Т. С. П а с с е к в докладе «Трипольские поселения на Днепре» рассказала о результатах работ Трипольской археологической экспедиции в 1948 г., открывшей поселения раннего, среднего и позднетрипольского типов. Особенно интересны раскопки мастерской для изготовления кремневых орудий Триполья.

Доклад М. И. А р т а м о н о в а «Археологические исследования в Южной Подольи в 1948 г.» касался результатов работ Южно-Подольской археологической экспедиции, рисующих в новом свете прошлое юго-запада нашей страны.

На древнем поселении Малая Печера открыты два слоя позднетрипольской культуры. Обнаруженные поблизости погребения представляют совершенно новую культуру, до сих пор известную только по недатированным находкам керамики. Судя по бронзовым вещам, она относится к самому концу эпохи бронзы и представляет собой культуру, непосредственно предшествующую скифской. Кроме того, проводились работы на Немировском городище. Установлен тип землянок и существование наземных глинобитных жилищ. Найдено много фрагментов прекрасной родосской керамики конца VII—начала VI вв. до н. э., свидетельствующей о тесных связях Немировского городища с греческой Ольвией.

В докладе «Памятники «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья» И. И. Л я п у ш к и н подвел итог всем известным до настоящего времени памятникам «полей погребения» Левобережья и на основе изучения их пришел к выводу, что вся территория Днепровского лесостепного Левобережья в первой половине первого тысячелетия н. э. была занята различными оседлыми племенами. Одна из групп этого населения с обрядом захоронения в камерах (типа Кантемировка), может быть определена как сарматская, вторая по обряду захоронения близка правобережному населению этой поры.

Кроме того, на пленарном заседании были заслушаны доклады: «Археологические исследования Восточной Сибири» (А. П. О к л а д н и к о в), «О происхождении и времени возникновения Пскова» (С. А. Т а р а к а н о в а) и «Ремесленные кварталы города Великие Болгары» (А. П. С м и р н о в).

Несколько докладов было прочитано на секциях античной и скифо-сарматской археологии. И. Б. З е е с т прочла доклад «Раскопки в Киммерике» (см. статью в этом номере ВДИ). В. Ф. Г а й д у к е в и ч сделал доклад «Раскопки 1948 г. в Мирмекии и Тиритаке». В Мирмекии продолжались раскопки в районе, связываемом с акрополем. Нижние слои этого раскопа дали материал VI—V вв. до н. э., но до-

римских архитектурных остатков там не было найдено. Было установлено, что в первые века н. э. район так наз. акрополя был застроен частными домами, принадлежавшими представителям зажиточной части населения.

Доклад М. М. Дьяконова «Эллинистический слой могильника Туп-хана Таджикской ССР» содержал информацию о раскопках погребений I в. до н. э.—II в. н. э. В ряде могил во рту или на груди погребенного обнаружены серебряные монеты, оболы, которые докладчик считает варварским подражанием чекану греко-бактрийского царя Евкратиды (II в. до н. э.), причем на некоторых монетах имя Евкратиды заменено именем местного царя. В числе могильного инвентаря есть керамика и украшения. Анализ последних, по мнению М. М. Дьяконова, приводит к выводу, что в культуре населения Бактрии на рубеже нашей эры намечаются заметные связи с культурой сарматских степей.

П. Н. Шульц в докладе «Кызыл-кобинская культура» поднял вопрос о связи кызыл-кобинской культуры с киммерийцами и ранними таврами. Определяющим признаком кызыл-кобинской культуры он считает наличие колоколообразных ям и характерной простой и лепной керамики с разнообразным, большей частью резным, орнаментом и относит ее к эпохе второй половины II тысячелетия — первой половине I тысячелетия до н. э. Жители кызыл-кобинских поселений занимались, по его мнению, пастушеским скотоводством, земледелием и находились, повидимому, на средней ступени варварства.

Доклад о «Результатах Северо-кавказской экспедиции 1948 г.» сделал Е. И. Крупинов. Основными задачами экспедиции являлось исследование памятников материальной культуры I тысячелетия до н. э. и разведочные работы в ранее не обследованных районах края.

В докладе «Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа» К. Ф. Смирнов, используя материал своих археологических раскопок в Дагестане в 1948 г., приходит к выводу о существовании единой сарматской культуры от I в. до н. э. до III в. н. э. Статиграфически и по различиям в инвентарях он делит сарматские погребения на две хронологические группы: I в. до н. э.—I в. н. э. и II—III вв. н. э. Он считает, что сарматская культура приморской части Дагестана является результатом синтеза древних местных закавказских и сарматских, северокаспийских элементов с преобладанием последних.

В докладе «Археологические работы на Кубани в 1948 г.» Н. В. Анфимов (Краснодар) рассказал о результатах археологического исследования побережья Кирпильского лимана и Акторских соленых озер. Там были обнаружены три новых городища, датируемых последними веками до н. э.—первыми веками н. э.

Доклад Г. Д. Смирнова (Кишинев) «Раскопки скифского городища у с. Бутучены (Молдавия)» дал информацию об археологических исследованиях скифского городища V в. до н. э. Раскопками были обнаружены остатки жилищ, найдено много сосудов и металлических изделий. Результатам обработки материалов археологических раскопок Неаполя Скифского, в которой принимают участие ученые различных специальностей, были посвящены доклады В. П. Бабенчикова (Симферополь) (см. ВДИ, № 1, 1949, стр. 111 сл.), А. Н. Карасева, Г. Ф. Дебеца и В. И. Цалкина.

В докладе «Оборонительные сооружения Неаполя Скифского» А. Н. Карасев показал, как на основании изучения строительных приемов и строительных материалов нижних рядов оборонительных стен, сохранившихся в Неаполе Скифском, можно не только реконструировать стены, но и восстановить историю их возведения. Первый строительный период он датирует III в. до н. э., второй строительный период — II в. до н. э. В это время стены расширяются, меняется система обороны, строятся протейхизма. Наконец, в третьем строительном периоде, благодаря расширению стены, уничтожается перибол.

А. Н. Карасев отмечает, что в оборонительных сооружениях Неаполя Скифского нет копирования греческого строительного искусства, что они создавались

постепенно, по мере того как городище из обычного скифского поселения выросло в столицу Скифского государства. При этом сохранились старые строительные приемы, которые не требовали ни специалистов-каменщиков, ни особых инструментов.

Г. Ф. Дебец в докладе «Антропологические материалы Неаполя Скифского» отмечает отсутствие монголоидного элемента в составе скифов, большое сходство черепов крымских скифов со скифскими черепами из Приднепровья и отличие их от таврских.

В. И. Цалкин в докладе «Фауна Неаполя Скифского» излагает выводы, которым он пришел на основании изучения костей животных, найденных при раскопках Неаполя Скифского в 1945—1948 гг. Он отмечает существование там шестнадцати видов домашних животных (лошади, овцы, крупного домашнего скота, свиньи, осы и собаки) и семи видов диких (бобра, кабана, благородного оленя, сайги, лисицы, зайца и ежа). Среди костей птиц, относящихся, главным образом, к диким видам, обнаружены кости домашней курицы. По числу костей первое место в материале из Неаполя Скифского занимает лошадь. При этом удалось установить существование двух различных типов лошадей. Второе место занимает мелкий рогатый скот (овца и коза), затем идет крупный рогатый скот и свинья, отличающаяся очень мелкими размерами. Очень многочисленны кости собак различных размеров. Анализ костного материала приводит к выводу, что в жизни населения Неаполя Скифского охота не имела существенного экономического значения, а основу хозяйства составляло животноводство и, главным образом, коневодство.

И. Кругликова